

Россия – не для заработка

Что может объединять мэра города и примадонну мировой оперной сцены? Шляпин поддерживал малые города, и Любовь Казарновская хочет продолжать его традицию. Она приехала в Углич по приглашению мэра города Элеоноры Шереметьевой и дала концерт для угличан, устроив им настоящий праздник.

– В моем представлении успех оперной певицы начинается с того, что она – многогранная, сильная личность. Умение поделится эмоциями, то есть обмен энергетикой, как сейчас принято говорить, – это великое благо. Любовь Юрьевна, как вы сами оцениваете свой эмоциональный запас?

– Вы абсолютно правы в том, что эмоции и умение передать их слушателям – это часть высокой вокальной оперной культуры. Нас учили сдерживаться, говорили: «Нечего хлестать эмоциями, главное – голос!» Я всегда с этим боролась. Я считала, что это в корне неправильно. Потому что если тебя переполняют чувства, если тебе есть что сказать – это надо выразить.

– В этом суть искусства. А демонстрировать просто свой голос – неинтересно и сухо.

– Поэтому я и решила создать салон, который посвящаю двум примаам прошлого столетия. Мне кажется, эти женщины выразили суть оперного искусства. Недаром в одну из них, Полину Виардо, был безумно влюблен Тургенев. Он говорил, что ее голос был сам по себе, может быть, не бархатно красив, но в нем столько спрессованной чувственности, что людей пробирала дрожь, когда она пела. Вторая женщина – Дизере Арто, ученица Виардо, которой Чайковский посвятил свои известные шесть романсов. Это было такое эмоциональное пение, что Чайковский сидел и плакал в ложе Большого театра.

– Сегодня на вашем концерте люди тоже плакали.

– Мне приятно это слышать. И должна сказать, что в этом заслуга Господа Бога, который наделил меня голосом, заслуга моих родителей, которые меня воспитали, и моих учителей. Мой педагог Надежда Малышева-Виноградова была концертмейстером оперной студии Станиславского и аккомпанировала Шляпина в концертах. Мой урок начинался с пластинки Федора Ивановича, с песни «Есть на Волге утес». Почему Шляпин так потряс итальянцев? Когда был объявлен его дебют в опере «Мефистофель» в «Ла Скала», они говорили: «Ну что русский может показать в нашей опере?» Каждая интонация его была эмоционально окрашена. Каждое движение великого артиста было невероятно эмоционально подвижно. Это и

я полагаю своим главным достоинством. Потому что считаю себя прежде всего актрисой, а не певицей. В опере артист должен дарить людям эмоциональную релаксацию. Я нахожу источник эмоций внутри себя, потому что обожаю свое дело, я ему предана. Даже если нет сил и вся разбита, и голова болит, и

«Китеж». Энергетика этого места притягивает. От общения с вашей публикой я получила такой энергетический заряд, который еще не переработала, это будет долго во мне крутиться, я буду мыслями возвращаться сюда.

– С чем вы встречаете новый день? На что опираетесь?

– Я встречаю новый день с тем, что я должна подарить радость своему 10-летнему сыну Андриюше, моему мужу, который мой большой друг и всегда поддерживает меня. Известно, что уныние – самый большой грех. Нельзя впадать в уныние ни при

рой на жизнь. Я никому не желаю зла. Даже если человек ко мне плохо относится, я думаю: ну и живи себе спокойно, я, может быть, с тобой общаться не буду, но ты меня не касаешься.

– Были у вас экстремальные ситуации в общении с людьми? Унижали вас когда-нибудь?

– Унижали? Конечно!.. Но если человек закрывается в свою раковину, ему отсюда пути нет. Он будет думать, почему у кого-то все получается, а у него так все плохо. Наоборот, нужно сказать себе: значит, Господь на сегодняшний день дает мне

цы... Сначала приведи в порядок храм, который внутри тебя, а потом уж ступай на судьбу. А несчастье тоже притягивает несчастье. Если культивировать в себе уныние, оно будет все больше и больше притягиваться. Надо отметить его всеми силами. Кто как: молитвой, походом в храм, встречами с людьми, которые доставляют вам огромное удовольствие и которые могут зарядить вас эмоционально. Вы увидите, что вы себя раз настроили положительно, второй, и все – это войдет в хорошую, добрую привычку. И вы не сможете без этого жить. Понятно, что наша жизнь состоит не только из хорошего, что надо решать уйму проблем, которые порой решать так не хочется...

– А если человек не способен к сопереживанию?

– Я моментально вижу таких людей на сцене. Если певец поет благополучно вокально, но внутренняя работа в нем еще не пройдена, я думаю о том, что он мне совершенно не интересен. Он еще не «пропахал» себя. Без страдания человек жить не может. И Господь отпускает нам страданий ровно столько, сколько по нашим силам. А у настоящих людей, у сильных людей – сил много, поэтому отпускается по полной! И как вы прошли эти страдания – плюс вашей личности. Если вы воспринимаете свой успех и несчастья, которые вам выпадают как испытания, если вы не впадаете в эйфорию от успеха и в уныние от несчастий, вы проходите это горнило, и тогда вы крупная личность.

– Талант – это счастье?

– Талант – это испытание. Удариться в гордыню невероятно легко. Я могу назвать 90 процентов исполнителей, которые ударились в гордыню и считают, что они центр земли. Настоящий талант – это огромное счастье, но это и Божие испытание. Пройду ли я это испытание, не вознесу ли я нос, не скажу ли, а на фига мне эти Угличи и Владимиры, я лучше буду в своем «Метрополитен-опера» попевать. Недавно один уважаемый мной певец заявил по телевизору, что Россия ему нужна для того, чтобы деньги зарабатывать. Мне стало стыдно за него, потому что эта страна – не для заработка, эта страна – для того, чтобы работать на свой духовный рост и рост твоего народа. И вот если вы это понимаете – вы подвижник, вы художник, вы творец. Если вы это не понимаете – вы загордившийся эгоист, может быть, способный и талантливый. И в этом большая разница между эгоистом от искусства и настоящим подвижником.

Записала
Ирина КОРАБЛЕВА.

Фото Ирины КОРАБЛЕВОЙ.

ничего не хочется – понимаешь, что тебя ждут, и появляются силы.

– То есть вы эту эмоциональность в себе культивируете?

– Да. Там, внутри, всегда есть запас. И мне помогает вера в то, что я делаю. Люблю и верю. И профессия дает мне эмоциональный заряд. В Москве сейчас с этим сложно. Цены на концерты запредельные, далеко не все интеллигентные люди могут купить билеты. А те, которые покупают, сидят с такими лицами, что не хочется для них петь. Но в Угличе – аура тепла, добра и большого содержания. Я сразу ощутила себя здесь желанным гостем и была покорена душой. Зимний Углич – белый, как театральная декорация. В этих живых декорациях я так и вижу, как можно поставить «Бориса Годунова»,

каких обстоятельствах. Я, например, смотрю утром в зеркало и говорю себе: слушай, жизнь прекрасна, ты занимаешься любимым делом, около тебя любимые люди.

Моя бабушка, волжанка, не обладала никаким особым талантом, она была просто удивительно хороший, верующий человек. Кстати, от нее я впервые услышала о Серафиме Саровском, потому что ее прабабка ходила на поклон к отцу Серафиму. Бабушка мне говорила, что отец Серафим вообще не понимал, как можно быть в унынии. Даже после того, как с ним произошла эта жуткая трагедия, когда его избили и он с переломанным позвоночником еле добрался до монастыря, и братия его спросила, наказали ли этих людей, он сказал: «Не трогать». Никому не желать зла – это уже положительный наст-

какой-то урок, испытание, я должен об этом задуматься. К чему это? Потому что случайно в жизни ничего нет. Нам даются такие вот столбики по жизни: сумеешь сделать вывод – пойдешь дальше, не сумеешь – будешь на месте.

– Почувствовать правильную ситуацию – великое дело: надо прислушиваться к жизни. Любовь Юрьевна, вы анализируете каждый свой день?

– А как же! Иначе как личность не идешь вперед.

– На каком-то этапе жизни понимаешь, что счастье – это просто отсутствие несчастья...

– Да. Спасибо за каждый день. Я всегда говорю, что Царствие Божие – в нас самих. Для того, кто это понял, – это великая фраза. Мы все чего-то ищем. Изобретаем какие-то невероятные ветряные мельни-